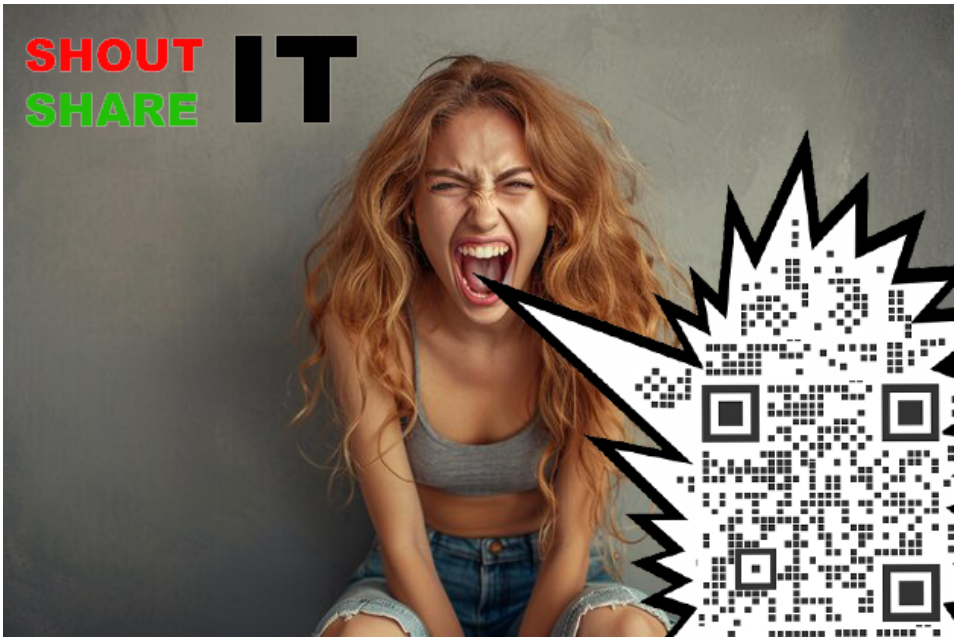
1250-й - Высокое средневековье

С Г Смирнов


SHOUT
SHARE
IT

- Смирнов С Г

Смирнов С Г
1250-й - Высокое средневековье

С.Г.Смирнов

История: Годовые кольца Всемирной истории Сергея Смирнова

1250-й. Высокое средневековье

Вершины и перевалы всегда привлекают особое внимание, будь-то в горах или в истории народов и государств. В 13 веке средневековые цивилизации Земли достигли своих вершин - но никто об этом не догадывался, хотя общая нестабильность политической ситуации могла бы многое подсказать историку. Достаточно взглянуть на карту мира, какой она была в 1250 году: государственные границы порою сдвигались на сотни километров в год, в темпе наступления конной армии, а единственная великая держава той эпохи - империя Чингисхана - имела от роду менее сорока лет, и еще меньший срок оставался до ее распада. В чем причины такой неустойчивости?

Ясно, что фантастическая вереница побед монгольских армий обусловлена не только силой победителя, но и слабостью побежденных. Труднее понять причины этой слабости: ведь ни чжурчжени, ни половцы, ни грузины, ни русские не уступали монголам в личной храбрости, боевых навыках и качестве вооружения, а числом побежденные заметно превосходили победителей. Много уже говорилось о качественном превосходстве монгольской военной машины, о несравненной дисциплине в войсках Чингисхана, о жестоких карах за ее нарушение. Все это верно; но любая дисциплина рухнет после первой же серьезной неудачи, если боец смотрит на командира как на поставленного сверху начальника, приказы которого следует исполнять лишь пока и поскольку невыгодно их нарушить. Монголы 13 века рассуждали иначе: воин-нукер относился к полководцу-нойону как к старшему в роде, связанному с подчиненными круговой порукой и общей судьбой; армия - это семья, не выполнить приказ - значит, предать товарищей по оружию, остаться одинокой былинкой в степи; после этого и жить не стоит.

Такой стереотип поведения складывается лишь в исключительных условиях. Вначале была сухая степь с редким населением скотоводов, живших отдельными семьями - для прокорма больших стад в одном месте не хватило бы травы и воды. Каждый мужчина смолоду привыкал сам решать свою

судьбу и будущее семьи, защищая стада от волков, угадывая приближение бурана, поддерживая мир с соседями. Такой образ жизни воспитывал трудолюбивых, упорных и выносливых людей, прирожденных охотников и воинов, равно умевших подчиниться воле старшего и проявить личную инициативу. Этот социум был бессилен лишь перед одной бедой - вторжением крупной вражеской армии, сокрушавшей ополчения степняков. В конце 12 века такая агрессия в степи усилилась: с востока ее вели чжурчжени (жители Приамурья, овладевшие Северным Китаем), а с запада - мусульманские правители Средней Азии.

Военная система Чингисхана была создана для отражения этих атак. Степняки с готовностью подчинились ей ради безопасности родного очага, и вскоре монгольское войско доказало свою непобедимость. Племя монголов не составляло большинства среди степняков, но оно стало ядром новой армии, и имя "монгол" быстро распространилось на всех бойцов, связанных общностью кочевого быта и единой боевой судьбой. Среди них были приверженцы языческого культа неба - Тэнгри, были христиане несторианского толка, позднее появились мусульмане, буддисты, конфуцианцы ... Ханы-победители проявляли полную веротерпимость, и это немало способствовало успехам монгольской (точнее, "монголоименной") армии. К 1240 году был отвоеван у чжурчженей Северный Китай, захвачены Хорезмское царство, Русь, Иран. После этого наступила военная передышка и начался раскол среди победителей.

Сам Чингисхан, его дети и ближайшие соратники к 1250 году уже умерли, а внуки основателя громадной державы управляют улусами (военными округами) в разных ее концах и съезжаются в столицу Каракорум лишь изредка, чтобы на очередном совещании - курилтае - избрать нового главу империи - кагана или внести изменения в военную политику державы. Только эти задачи остались общими для всего народа-войска, а текущими административными делами и сбором податей с покоренных народов ведают имперские чиновники, набранные из местных купцов и грамотеев. Это они определяют внутреннюю политику в разных частях державы и понемногу перевоспитывают царевичей-чингизидов на свой лад. Те легко поддаются их влиянию, ибо связаны боевым товариществом лишь со своими воинами, а к далеким родичам нередко относятся как к соперникам. В 1248 году дело едва не дошло до гражданской войны: новоизбранный каган Гуюк захотел отомстить своему бывшему начальнику в походе на Русь - Бату - за прежние обиды. Две армии двинулись навстречу друг другу - но тут Гуюк внезапно умер. Похоже, что кто-то из друзей Бату

пожертвовал жизнью Чингизова внука ради единства дедовской державы.

И вот в 1251 году в Каракоруме собирается очередной курилтай последний в истории монгольской империи, хотя никто из участников об этом не подозревает. Партия Бату одержит полную победу. Его друг Менгу станет новым каганом, а сам Бату будет объявлен старшим в роде и избавлен от вмешательства столичных властей в дела его западного улуса - Золотой Орды.

Не менее важны военные решения курилтая. Громадная профессиональная армия требует постоянного боевого применения; вопрос лишь в том, какому из трех открытых фронтов отдать предпочтение: Южному Китаю, Ближнему Востоку или Западной Европе. Китай ближе всего, и поход туда предрешен, но по поводу других направлений есть разногласия. Покойный Гуюк намеревался продолжить западный поход, чтобы под его командой степняки дошли до Ламанша и Пиренеев, превзойдя успехи Бату в Восточной Европе. Но сам Бату не хочет вмешательства чужих войск в дела его улуса; поэтому монгольские тумены двинутся на Багдад и Сирию - завершать разгром мусульманских держав. Командовать западной армией будет молодой Хубилай - брат кагана, а начальником его штаба станет Кит-Бука-нойон, несторианин, способный, по мнению монгольских правителей, найти общий язык с христианами Сирии и Малой Азии. И если европейские рыцари-крестоносцы, владеющие крепостями и гаванями на восточном берегу Средиземного моря, поддержат монгольский натиск, то странам ислама придется совсем туго.

Действительно, притесняемые мусульманами армяне Ближнего Востока помогут монголам так же, как они помогали рыцарям-франкам во время первого крестового похода. Но сами франки отнесутся к идее военного союза с монголами, как к предложению изгонять бесов с помощью сатаны. Почему так?

Охватив половину Европы, католический образ жизни и мышления как бы замкнулся на свои внутренние проблемы, утратил былое острое любопытство ко всему дальнему и непонятному. Даже лучшие представители этого мира разучились находить общий язык с людьми, не похожими на них самих. Вспомним, как в конце 11 века рыцари-крестоносцы обнаружили вдруг, что восточные христиане-византийцы действуют и рассуждают совсем иначе, чем они сами. Но тогда ни один из вождей франков не рискнул обратить свое оружие против греков. А в начале 13 века новые крестоносцы штурмом взяли Константинополь и учредили на месте Византии свою

Латинскую империю. Вспомним и то, как в середине 12 века вдохновитель второго крестового похода Бернар из Клерво отвергал предложения о казни еретиков. А полувеком позже другой церковник требовал от северных французов-крестоносцев, покорявших своих южных соседей: "Убивайте всех, бог своих распознает!"

Если европейцы так "сами на себя куют крамолу", то где уж крестоносцам договориться с монголами! Палестинские рыцари решат, что привычное зло меньшее зло, и помогут своим старым соседям-соперникам против новых неведомых народов, когда в 1260 году армия мамлюков - мусульманских правителей Египта - двинется навстречу монголам. Степняк-мусульманин Бейбарс победит степняка-несторианина Кит-Бука - в этом нет ничего удивительного. Но впервые гибель монгольского воеводы и его бойцов останется неотмщенной это заслуживает внимания.

Дело в том, что в 1259 году умрет каган Менгу, и монгольскому единству придет конец. Грозного Бату уже не будет в живых, а его брат и преемник Берке, не в силах сделать каганом одного из своих друзей, объявит Золотую Орду независимой от центрального правительства. Так же поступит владыка Ирана Хулагу - давний враг Берке, и они тут же начнут усобицу. У Хулагу не останется свободных сил для карательного похода на Египет, и государство мамлюков уцелеет вплоть до нашествия турок-османов в 16 веке. Зато крестносцы сполна пожнут плоды своей недальновидности: уже в 1261 году никейские греки, наладив союз с Хулагу, решительным ударом вернут себе Константинополь. Вслед за этим все твердыни франков на Ближнем Востоке перейдут в руки мамлюков или византийцев - крестоносная эпопея завершится полным фиаско.

Характерно, что не только западная часть монгольской державы расколется после смерти Менгу на враждующие улусы. То же самое произойдет на Дальнем Востоке, причем здесь в роли противников окажутся родные братья Хубилай и Арик-Бука, не питающие взаимных антипатий. Но в ходе долгого завоевания Южного Китая с его влажным субтропическим климатом, губительным для степняков, войско Хубилая сменит свой состав, пополняясь добровольцами из южных горных и лесных племен, издавна противостоящих натиску китайской администрации. Такая обновленная армия не будет иметь ничего общего с войсками Арик-Бука; оба войска провозгласят своих правителей каганами, и вспыхнет гражданская война. Используя огромные ресурсы Китая, Хубилай победит степняков. Арик-Бука сдастся

и будет помилован братом но партизанская война жителей восточной степи против "псевдомонгольской" империи Хубилая, принявшей китайское имя Юань, затянется на многие десятилетия. Стихийное сопротивление степняков, обманутых в своих надеждах на вечный мир под сенью монгольской державы, не позволит Хубилаю бросить все силы на завоевание Японии, и государство сегунов Минамото уцелеет так же, как государство мамлюков в Египте. Крупные успехи войск Хубилая в Бирме и Вьетнаме также окажутся эфемерными ...

Поучительно сравнить судьбу державы Чингисхана с судьбой Арабского халифата в более раннюю эпоху. И там, и здесь относительно малый этнос создал великую империю и вскоре утратил в ней ведущую роль, а империя распалась на части. Но на месте Халифата остался "исламский мир" - новая средневековая цивилизация, а монгольские завоевания не оставили самобытного долговременного следа. Разделившиеся улусы быстро приняли местную окраску, а царевичи-чингизиды вошли в роль феодальных правителей, забыв веру, закон и язык своих предков. Вряд ли стоит искать причину этой разницы судеб в национальных особенностях арабов и монголов; видимо, их удары лишь подтолкнули естественное развитие огромного евразиатского региона, который переживал в 7 и 13 веках разные фазы социальной эволюции.

В 7 веке новый феодальный способ производства только начинал свое победное шествие по планете в руках новых этносов, и велика была тяга соседних народов, связанных традиционными экономическим узами, к политическому объединению - хотя бы под знаменем новой религии. Долгое соперничество Ирана и Византии кончилось истощением обеих великих держав в этих условиях арабская доблесть имела неожиданный успех. А в 13 веке феодализм уже исчерпал возможности своей эволюции в самых развитых регионах той эпохи - в Китае, Хорезме, Иране, Византии. В итоге завоеватели-монголы, не обремененные изобилием косных социальных традиций, сравнительно легко разгромили своих именитых соперников, но не смогли ни сами предложить им новую прогрессивную социальную организацию, ни перенять такую систему у побежденных. Поэтому огромные военные успехи монгольской державы оказались губительны для победителей - зато многие из побежденных сумели воспрянуть, извлечь урок из поражений и начать жизнь как бы заново, изменяя структуру своего социума, формируя новое этническое единство.

Интересно сравнить судьбы народов, в разной мере затронутых монгольской агрессией. Начнем с Западной Европы:

сюда монголы заходили лишь мельком и почти не повлияли на развитие этого региона, так что европейцы продолжают свои привычные дела и распри.

В 1250 году оборвалась поразительная карьера Фридриха 2 Штауфена, прозванного современниками "Ступор Мунди" - "изумление мира". Этот германский император свободно владел восемью языками, включая арабский но по-немецки он не говорил. Он был воспитанником всевластного папы Иннокентия 3, но вскоре после смерти опекуна юноша поссорился с римской курией и всю жизнь боролся с нею, достигнув в этом деле немалых успехов. Фридрих стал императором по выбору немецких князей - но и с ними ладил плохо, в Германии бывал редко, а своим оплотом сделал юг Италии - Апулию, Калабрию и Сицилию. Здесь он создал первую в средневековой Европе абсолютную монархию с кадровым аппаратом чиновников, четко работающей юстицией и постоянными денежными налогами. Здесь император вербовал свою гвардию из мусульман, которых много было в Сицилии со времен арабских завоеваний этих телохранителей папские агенты не сумели подкупить. Дружеские чувства Фридриха к иноверцам имели и другой, неожиданный результат: будучи отлучен от церкви за неучастие в крестовом походе (который провалился), император заключил личный союз с египетским султаном Кемалем, подружился с ним и добился мирного возвращения Иерусалима христианам. Это ли не пример для прочих крестоносцев? Но упрямый папа не снял отлучение с Фридриха, и тот пришел к выводу, что в Риме правят глупцы и негодяи, да и предшественники их были не лучше, и вообще все пророки и вероучители, начиная с Моисея, Христа и Мухаммеда - самозванцы и обманщики. Так "христианнейший помазанник божий" перешел под давлением обстоятельств к полному конфессиональному безразличию, опередив на два столетия самых смелых мыслителей Возрождения.

Да, Фридрих Штауфен стал первым в Европе представителем "возрожденческого" образа мысли. Но никто из изумленных современников не последовал примеру императора, и быстрый крах большинства его начинаний после смерти монарха показал, что европейский социум еще не готов к культурному обновлению. Лишь очень крупный социальный катаклизм (подобный вторжению монголов в Восточную Европу) может столкнуть западных европейцев со средневекового пика и направить их в сторону Нового времени. Только в 14 веке общее похолодание климата выявит относительное перенаселение субконтинента и обострит все социальные конфликты: разразится Столетняя война, затем нагрянет Великая чума, и всю Европу

всколыхнут родовые муки Предвозрожденья.

А пока - Фридрих II уже умер, Данте еще не родился, а образцовым правителем в Европе считают короля Франции Людовика IX. Он умен, набожен, честен, упорен и добронамерен. Он искренне любит справедливость (конечно, в рамках средневековой сословной структуры!) и искренне чужд всякой веротерпимости. Он неплохо разбирается в людях, подобных ему, но не обладает личным обаянием и неудачлив как полководец - только что король попал в плен в очередном безуспешном крестовом походе, и французам предстоит собирать деньги на его выкуп. Казалось бы, заурядный неудачник; но французы будут вспоминать его правление как "золотой век", объявят покойного короля святым, и большая часть европейцев присоединится к этому мнению. Почему? Именно потому, что Людовик 1X был не новатором, а консерватором, охранявшим "старый добрый порядок". Он даже Фридриха пытался помирить с папой, а английского короля Джона - с его мятежными подданными, и все это ради сохранения "статус кво". Такова эпоха в Западной Европе, таковы ее герои - паладины славного прошлого, борцы с неведомым будущим.

Только Англия и Северная Италия выделяются на общеевропейском фоне необычной политической активностью, и тому есть веские причины. Итальянские города-коммуны зажаты между молотом германских императоров и наковальней римских пап, борющихся за власть над всей Европой. Каждый из соперников норовит ограбить торговых горожан, и тем приходится напрягать все силы для отпора захватчикам. В этих условиях наиболее жизнеспособны оказались республиканские формы правления: они успешнее мобилизуют частные ресурсы граждан для общих целей, и острая борьба внутри города не препятствует внешнеполитическим успехам, росту экономики и культурному расцвету. В X1 веке коммуны Северной Италии впервые доказали свое право на независимость, и с тех пор их строй неуклонно демократизуется. Феодалы Тосканы и Ломбардии уже признали, что город задает тон округе, и перебрались из замков внутрь городских стен, хотя там набирающие силу пополаны не склонны считать грандов и патрициев людьми особого сорта, не разрешают им строить укрепленные башни и порою изгоняют из города за особые буйства. Впрочем, это изгнание не бывает пожизненным: очередной переворот в городской республике - и ворота Флоренции, Болоньи или Пизы открываются для вчерашних беглецов, а те в массе своей не жаждут кровавой мести. Так в 1249 году большинство флорентийцев приняло сторону

папы в его конфликте с Фридрихом, и сторонники императора гибеллины - были изгнаны. В 126О году они вернутся, победив соперников-гвельфов в бою, и тогда горячие головы потребуют сравнять с землей неизлечимо республиканский город. Но виднейший лидер гибеллинов Фарината деи Уберти скажет: "Через мой меч!" - и все успокоится...

Нечто сходное назревает и в Англии, хотя по видимости там тишь и гладь. Но не забылось дикое правление Джона Безземельного в начале 13 века. Этот монарх за шестнадцать лет потерпел три сокрушительных поражения: сначала проиграл войну с Францией за Нормандию, затем - конфликт с папой за контроль над английской церковью, и наконец, разжег распрю со своим народом, который устал терпеть произвол обанкротившегося монарха. Отчаявшиеся англичане предложили трон французскому принцу; король Джон бежал на север, но вскоре умер. Тогда английские патриоты спровадили чужого принца за море, выплатив ему крупную неустойку, а на престол возвели Генриха - малолетнего сына Джона. Теперь мальчик вырос, но оказался безвольной куклой в руках придворных, и наступает следующий акт народной драмы.

В 1215 году побежденный король Джон признал "Хартию вольностей", ограничившую произвол королевской власти. Хартия соблюдается и теперь, англичане сжились с нею, но выяснилось, что ее одной недостаточно. Мало помешать королю совершать "дурные" поступки, надо заставить его творить "хорошие" дела, а для этого нужно контролировать назначение министров и их текущую деятельность. Таковы планы английской оппозиции, негласными лидерами которой стали епископ Роберт Гростест и граф Симон де Монфор. Оба они - не особенно яркие личности, не чета знаменитому рыцарю Вильяму Маршалу и мудрому кардиналу Стефану Лэнгтону, возглавившим обновление Англии в начале века. Но с тех пор значительно выросла политическая зрелость английского общества: священники, бароны, рыцари и горожане привыкли выступать рука об руку и хором диктовать свою волю верхам, при нужде применяя силу.

В 1260-х годах Англию потрясет политический кризис; в итоге родится новый парламент, где выборные рыцари и горожане будут обсуждать государственные дела, требовать отчета у министров. Вновь вспыхнет гражданская война с переменным успехом; Гростест умрет, Монфор погибнет в бою, но их дело победит в новых крепких руках. Новый правитель Англии принц Эдвард Долговязый - сделает верные выводы

из ошибок своего отца Генриха и деда Джона, из уроков Монфора. Он станет регулярно созывать парламент, опираться на него в борьбе с магнатами и в военных предприятиях. В обмен на эту поддержку Эдвард привлечет парламент к разработке новых указов и прославится как выдающийся законодатель, "лучший из английских королей". Такова будет вершина английского Средневековья а за ней последует кризис, общий для всей Западной Европы ...

Первые зарницы этого кризиса уже мелькают на восточном горизонте: контакт с монгольской державой выявил индивидуализм и сугубое разномыслие европейцев. Рассмотрим для примера три судьбы: фламандца Виллема Рубрука, венецианца Марко Поло и загадочного англичанина по имени Питер. Доверенный человек "святого" короля Людовика, Рубрук посетил монгольскую столицу как дипломат и разведчик и пришел к выводу: этот мир чужд Европе, близкое общение с ним противопоказано доброму католику. Юный землепроходец Марко Поло приехал в китайскую столицу хана Хубилая чуть позже; он без возражений принял местный образ жизни, стал активным сотрудником Хубилая, провел в Китае четверть века и вернулся на родину лишь на склоне лет. Еще причудливее судьба Питера: жажда приключенний и наживы загнала его в глубь Азии, там он встретился с монголами и вступил в их войско. Англичанин Питер исчез, превратившись в храброго нукера Пайдара, который сделал блестящую карьеру и вернулся в Европу как завоеватель, с монгольской саблей в руке. В 1241 году чешские рыцари разбили при Оломоуце монгольский отряд; англоязычный воевода Пайдар попал в плен к изумленным единоверцам и был казнен. В Ватикане сохранилось письмо папского легата с сообщением об этом инциденте ...

Перенесемся теперь в Восточную Европу, где социальный кризис уже наступил, ускоренный монгольским ударом с востока и натиском крестоносцев с запада. Старый порядок не сумел защитить себя и рухнул. Почему так вышло?

Автору "Слова о полку Игореве" бесконечные войны среди русских княжеств в конце 12 века казались простыми распрями князей; но в этом он ошибся. Соперничество торгово-ремесленных городов исподволь разрушало непрочное единство бывшей Киевской Руси, и к началу 13 столетия жители Владимира и Ростова, Киева и Чернигова, Полоцка и Смоленска слишком часто смотрели друг на друга как чужаки-конкуренты, а князья нередко были простыми наемниками боярско-купеческих партий. Заметим, что так же вели себя тогда граждане Флоренции и Пизы, Генуи и Милана - но тем не грозит ни монгольская сабля,

ни меч крестоносца. Русь же оказалась между двух огней; и если Новгород с его огромными ресурсами и многочисленным активным населением уверенно сдерживает натиск ливонских рыцарей, а на юге галицкий князь Даниил столь же успешно отражает венгерских феодалов, то монгольской военной машине Русь не может противопоставить ничего равноценного. Где же выход, и что можно спасти в этой ситуации? В 125О году этого еще никто не знает, хотя немало лидеров пытаются воплотить различные политические программы, опираясь на разные социальные силы. На общем фоне выделяются три могучие противоречивые фигуры: князья Даниил Романович Галицкий, Александр Ярославич Невский и Миндовг Литовский.

Даниил - старший из них; он рано остался сиротой, пережил усобицу боярских партий в Галиче и еще при Калке в 1223 году впервые скрестил оружие с монголами. Та катастрофа многому научила юного князя, и он сделал свой вывод: пока монгольская армия непобедима, нужно любой ценой сохранять "худой мир" хотя бы на западной границе. Для этого надо сочетать мощные удары по агрессорам-католикам с тонкой дипломатией - надо постоянно заигрывать с римской курией, соблазнять ее перспективой церковной унии православных и католиков. Трудно расчитывать на помощь с запада, но пусть хоть не мешают! Ради этого Даниил в 1254 году примет королевскую корону из рук папского легата, то есть он станет "полноценным европейским монархом", а в отношениях с монголами будет предельно покладист на словах и достаточно незавим в текущих делах. Эта тактика успешна, пока жив ее автор; но после смерти Даниила Галицкая держава распадется на уделы и будет постепенно поглощена католическим королевствами Европы и молодой, бурно развивающейся Литвой.

Александру Невскому в 1250 году исполнилось тридцать лет. Он тоже сделал свой политический выбор - но совсем иной, ибо делал его в других условиях. В решающем 1242 году Александр доказал свою полководческую зрелость на льду Чудского озера, и отец, князь Ярослав, оставил его охранять западные границы, когда сам поехал в Орду на свидание с грозным Бату. Неожиданно выяснилось, что завоеватель остро нуждается в примирении с побежденными: после покорения большей части Руси главные силы монгольской армии вернулись в родные степи, в распоряжение нового кагана - а им должен был стать Гуюк, враг Бату. Тогда Бату вспомнил пример своего отца Джучи: тот первым из монгольских вождей попытался в ходе завоевания Средней Азии наладить союз с новыми подданными. Этот опыт кончился плохо: Чингисхан заподозрил старшего сына

в покушении на верховную власть, и Джучи был убит. Но в 1242 году сын Джучи, не видя для себя иного выхода, предложил князю Ярославу союз - не равноправный, конечно, а с позиций монгольской силы, но все же союз со взаимными обязательствами. Это был луч надежды для русских - но сдержит ли хан слово, данное иноверцам?

Бату свое слово сдержал (чего не сделали бы многие правители Руси и Европы), и тут Александр впервые задумался о перспективах долговременного союза Руси с монголами. Конечно, придется выставлять русские полки под монгольские знамена - но это ненадолго. Конечно, придется потом платить большую дань - но этим можно откупиться от новых набегов неодолимых степняков, и потом использовать их мощь против западной угрозы. А если между Русью и степью будет хоть худой мир, то русские смогут подчинить боевитых, но сравнительно малочисленных степняков-победителей своему влиянию так же, как раньше они подчинили половцев. Веротерпимость ханов допускает проповедь православия среди ордынцев, и со временем кочевые сюзерены могут стать единоверцами своих русских вассалов ... Таковы были, видимо, мечты молодого Александра; жизнь быстро скорректировала их.

В 1246 году Ярослав поехал в Каракорум для утверждения в качестве великого князя всей Руси, но был отравлен там врагами Бату по доносу своего же боярина. Тогда Бату сам назначил Александра князем Киевским и Новгородским, а его брату Андрею дал стольный град Владимир. Победа Бату над Гуюком закрепила это назначение, и теперь на плечи двух Ярославичей легло бремя выбора судеб родной земли. Но единомыслия среди братьев нет: только Александр понимает, что для Руси нет возврата к "старому порядку" домонгольских времен. Да и чего стоил этот порядок, если он не позволил Руси отразить монгольский удар? Нужно искать новые формы возрождения Русской земли ...

Андрей мыслит проще, заодно с большинством граждан Владимира они все еще не могут поверить, что нашествие степняков не было мимолетным кошмаром и что решительное восстание не сможет сбросить ордынскую власть. Так же расуждают храбрые новгородцы, не изведавшие на себе ударов монгольской армии. Поэтому в 1250 году Александр Невский с его оригинальной политикой мало популярен на Руси. Но вскоре положение изменится ... В 1252 году владимирцы восстанут и будут быстро разбиты монголами; но Александр спасет землю от повторного разгрома. Затем по воле Бату его сын - несторианин Сартак - станет побратимом Невского:

правитель Орды надеется, что русская помощь позволит его слабому наследнику удержать власть. Тогда же главный монгольский наместник на Руси - владимирский баскак Амирхан - примет православное крещение. Но в 1257 году Бату умрет, а его брат - мусульманин Берке - убьет Сартака прежде, чем Александр успеет помочь побратиму. Однако сепаратистские планы Берке требуют использования русских сил, заменить Александра некем, и Берке утвердит его великим князем Владимирским.

Наступят самые трудные годы в жизни Невского. Как восстановить доверие народа к князю, который поневоле стал главным сборщиком ордынской дани? Как убедить русских людей, что Русь не погибла окончательно, что есть шанс спасения, но шанс этот требует общего самоотверженного труда, готовности доверять товарищу, как самому себе? и много ли на Руси людей, готовых откликнуться на такой призыв? Хватит ли их хотя бы для создания зародыша новой русской державы?

Мы знаем сейчас ответ на эти вопросы. Да, на Руси хватило патриотов, и народ возродился, создал крепкую новую державу, во главе которой встали потомки Невского. В этом возрождении приняли участие не только русские люди, но и многие потомки "язычников": монголы и половцы, булгары и керэиты, эсты и литовцы. Не случайно потомок крещеного баскака Амирхана стал видным деятелем русской церкви - Пафнутием Боровским, да и сам Невский после смерти был объявлен святым. Но кто мог предвидеть все это в середине 13 века, когда князь Александр подавлял преждевременный мятеж гордых новгородцев против сборщиков ордынской дани, отражал литовские набеги, обхаживал монгольских вельмож, отвергал предложения римского папы о протекторате над Русью, изгонял брата Андрея и сына Василия за противодействие своей политике и без устали искал союзников в своей борьбе?

Искал - и находил таких богатырей, как Миндовг. Этот славный победитель ливонских рыцарей, основатель городов и создатель литовской государственности, подобный древнему киевскому воителю Святославу, учился ремеслу политика и правителя на собственном трудном опыте и ошибках. В 1251 году он заключил союз с Орденом и принял крещение от католиков, чтобы стать равноправным "европейцем" - но оказалось, что рыцари продолжают считать литовцев людьми второго сорта, своими холопами. Тогда Миндовг возобновил борьбу, стал искать друзей на востоке и вступил в союз с Невским. В 1260-х годах они вместе будут громить крестоносцев, и только преждевременная смерть обоих

ратоборцев отсрочит прочный русско-литовский союз до более поздних времен.

Не состоится и крещение Орды - слишкол далека ее волжская столица от Руси, слишком велико в ней влияние среднеазиатских купцов-мусульман; их веру переймут позднейшие ордынские правители. Все же некоторые плоды своих трудов Александр Невский успеет увидеть. В 1262 году на Русь явятся чиновники из Каракорума, чтобы провести перепись для взимания повышенной дани. Но эпоха монгольского единства будет уже позади, и стоит Александру промолвить вполголоса: "Нынче - можно!", как имперские переписчики будут перебиты во всех русских городах, а хан Берке глазом не моргнет на такую неслыханную непокорность его данников имперскому правительству. Невский добьется и большего: русские воины не будут поневоле проливать свою кровь в усобицах Берке и Хулагу и в позднейших войнах ордынцев. Останется только дань Орде - тот "серебряный щит", который внук Невского - Иван Калита превратит в "серебряную узду" для будущих ордынских правителей.

Так мучительно перерождается в середине 12 века Восточная Европа, зажатая между агрессивной Монгольской империей и эгоцентричной Западной Европой. Столь же острые события назревают в Юго-Восточной Азии. Здесь славная, но одряхлевшая Камбоджа впала в ничтожество, как Киевская Русь, и память о недавнем блестящем правлении Джайявармана У11 тускнеет, как память о владычестве Всеволода Большое Гнездо на Руси. Монгольскому натиску в Индокитае противостоят в основном молодые народы: таи, моны, вьетнамцы. Набирает силу "варварское" княжество Чиенгмай, где вскоре загорится звезда Рама Камхенга - основателя тайского королевства, подобного Миндовгу и Александру Невскому. На Яве быстро развивается молодое государство Сингасари, основанное крестьянским вождем Кен Ангроком. Его потомков ждет трудный экзамен: скоро сюда доберется монголо-китайский флот Хубилая, но яванцы отразят этот натиск. Гораздо опаснее будет нашествие войск Хубилая на Вьетнам, возглавляемое Урянхадаем - сыном знаменитого Субэдэя, победителя при Калке и начальника штаба Бату в походе на Русь. Героическое сопротивление вьетнамцев вынудит Хубилая принять вьетнамскую дань, отказавшись от оккупации страны. После этого народы Индокитая продолжат путь к национальной государственности и независимости ...

Индия 13 века разительно отличается от Индокитая той эпохи - скорее она напоминает Египет. Мусульманские завоеватели-гулямы подчинили себе индийских крестьян так же,

как их сородичи мамлюки подчинили египетских феллахов. Монгольский пресс непрерывно пополняет этот резервуар исламского воинства новыми кадрами обездоленных храбрецов-северян. Поэтому государство гулямов выдержит все набеги монгольских войск; но социальное развитие Индии (как и Египта) будет заторможено этими условиями до начала Нового времени.

Вот и закончен наш обзор средневековых народов и держав, какими они были в середине 13 века, на вершине Средневековой цивилизации. Мы видим, как вышло на мировую арену многочисленное поколение новых этносов - англичан и итальянцев, болгар и сельджуков, бирманцев и японцев, монголов и русских. Судьбы новичков не повторяют судьбу средневековых этносов первого поколения - византийцев, арабов, китайцев - потому что новые этносы родились и выросли в ином мире, чем тот, который застали их предшественники на исходе Великого переселения народов. Богатое экономическое и культурное наследие первопроходцев, усвоенное новыми народами в ходе живого общения с их старшими коллегами, позволило новичкам формировать свою национальную культуру и государственность в ускоренном темпе. Они входят в Высокое средневековье в расцвете сил, с развивающейся экономикой и незрелыми еще политическими институтами. Гибкость такого социума позволит большинству этносов второго поколения пережить кризис средневековой цивилизации и вступить в Новое время, сохранив этническое единство и политическую традицию даже при значительных изменениях в экономике социума, в территории государства и в составе его населения. Поэтому кризис средневекового общества завершится не гибелью его, а "Возрождением", то есть перерождением в том глобальном огненном вихре технической и культурной революции, который откроет всему человечеству дверь в Новое время.

Многие предпосылки будущего Возрождения к середине 13 века уже налицо. В Северной Италии оформились города-республики, а в будущей Испании и в Англии зарождается парламент. В Китае грохочут примитивные пушки, печатаются книги и бумажные деньги. Давно известен компас, хотя он еще не произвел революции в мореплавании. Алхимики-практики в погоне за "философским камнем" прокладывают верный путь к созданию экспериментального естествознания. Первые католические университеты соревнуются в учености со своими старшими собратьями в Византии, в Исламском мире и в Китае. Культура научной дискуссии исподволь вырабатывается в бесконечных богословских спорах во всех концах Земли. Все эти знания и навыки не слились еще в новый

образ жизни и мышления, но в целом они составляют бесценное наследие Высокого средневековья, заготовленное впрок - до новых времен.

Сергей Смирнов